

2007-2008 — 26
март — 07. Евгений МАТВЕЕВ:

«Пока сердце не скажет «йок!»

Веста БОРОВИКОВА

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

— Евгений Семенович, такой простой вопрос для начала: вы ездите в метро?

— Я недавно попытался, меня там затолкали. А потом я запутался в переходах. Но это бы еще не беда. Я испугался. Знаешь, чего? Глаз человеческих. Я там нечаянно кого-то задел. Обернулся. И увидел в ответ такие страшные, такие злые глаза!!! Как будто я совершил что-то настолько ужасное, что меня нужно тут же за это убить, съесть, растерзать! Я как-то в памяти пропустил киноленту через всю войну. И поразительное дело — я не вспомнил ни одних злых глаз. Я видел в глазах печаль, тоску, голод, отчаяние. Когда кто-то получал хорошую весточку с фронта, глаза светлели. Но злых глаз я не припомнил.

— Вы до сих пор помните выражение глаз, которое видели полвека назад?

— Такова природа актера. Он подсматривает у жизни эмоциональные удары. И собирает их в шкатулку, которая находится здесь, в районе сердца. И они там хранятся сколько угодно долго.

— Это дано немногим?

— Думаю, да. Привожу пример. Захожу я

ститутах, я решил попробовать себя в том деле, которое меня давно манило.

БАНАНОВ МЫ УЖЕ НАЕЛИСЬ

— Вас непросто застать дома.

— Я люблю бывать на севере России. Там живет такой чистый народ! Он политически не истеричен. А мы в Москве — все истерики. То ли ритм жизни, то ли огромное скопление людей на одной территории сделало нас такими. Хотя, по-моему, в воздухе уже пахнет стабильностью. По-моему, бананов мы уже наелись. Западной культуры, западной еды, западных шмоток. Когда спрашиваешь человека, сколько ему надо денег, чтобы можно было жить, то нормальный человек называет цифру очень скромную — 400—500 долларов. Это не бог весть как роскошно, но и не бедно. Так что наш народ стяжательством пока еще не изуродован.

— Как по-вашему, мы действительно стали свободными?

— Свобода свалилась на нас, как ледник в Кармадоне! Мы не были готовы к этому ни социально, ни психологически, ни нравственно. Нас бросили в эту бурлящую реку с разными силами и возможностями. Кто-то шустренко доплыл до второго берега и стал

После фильма «Цыган» его приглашали возглавить театр «Ромэн». И отказывались верить, что он — русский. После трилогии «Любить по-русски» его слава в русской провинции сравнялась со славой Шукшина. Секрет прост: он наделен даром чувствовать чужое сердце.

работала, лишь бы я учился. У меня была прекрасная учительница литературы. Она меня любила, и маму мою любила, и все носила мне книжки, чтобы я читал. Мне фантастически повезло с женой. У меня прекрасные дочь и невестка. Потом были прекрасные женщины-актрисы. Не просто профессионалы, но — человеки. Что не так часто встречается. Часто актриса себя очень чувствует актрисой.

— Что это значит?

— Это значит, что трудно распознать, где она на самом деле — она. Даже в жизни я вижу, что она — не она. Меня же окружали женщины глубоко содержательные. Образованные. Достойные. С понятием человеческой чести и целомудрия. Такая была Вия Артмане. Необыкновенной красоты и чистоты человек. Гордая. Надменная. Зина Кириенко. Русская богатырша. Оля Остроумова. Валерия Заклунная. Тамара Семина. Галина Польских. Я видел их в разных ситуациях — на высоких приемах и на вечеринках. И везде я видел женское достоинство. При этом они не теряли шарма и женской сексуальности. Наоборот — в них была такая притягательная сила!

Бывали случаи, когда с актрисой мне не игралось. А мне надо играть любовь. Мне надо ее любить! А она мне не нравится. Потому что я знаю, что в жизни она вульгарна. Я знаю ее лексику. Я знаю ее капризы. Но я знаю, что у нее совершенно изумительный цвет глаз. И я этот цвет довожу до такой степени восторга... Я глазам этим объясняюсь в любви! А зритель думает, что я ее люблю. А я глаза ее люблю. Она сама, дура, не понимает, какие у нее глаза!

ОПАЛЯЮЩИЙ ВЕТЕР

— Вы часто увлекались, Евгений Семенович?

— Глупо было бы сказать, что нет. Прожив столько лет, не увлекаться невозможно. Но отношение к своей жене, к своей, простите, семье всегда меня тормозило. Жена моя — уникальная женщина. Когда это случилось, она все чувствовала. Она говорила: «Женя, ты увлекся? Тебе сейчас плохо? Чем тебе я могу помочь?» И никаких скандалов. Никогда. Мы 56-й год вместе. И счастливы. Счастливы. Потому что были мудры эти 56 лет. Но не столько я, сколько она. Она могла бы быть незаурядной певицей. Но она знала, что если мы оба займемся творчеством, то семьи не будет. И она отказалась от своей карьеры. А меня выпустила на бровку. Она говорила: «Женя, тебе надо учиться. Тебя приглашают в хороший театр. Надо ехать. Там есть хорошая школа». Она строила мне жизнь. А как она родила мне сына! Чего ей это стоило! Она умирала после родов, а врачам не разрешила мне звонить: «У него сегодня сдача спектакля». Она НИКОГДА меня ни о чем не просила. Никогда, если я приходил, выпив, не сказала мне ни слова упрека. Утром — да. Могла только обронить: «Ты вчера вел себя недостойно». Но так обронить, что я со стыда готов был сгореть. Моя жена — великая женщина.

— А если страсть? И человек не в состоянии контролировать себя? Как быть?

— Включить мозги. Проверить эту страсть на зубок, как золото проверяют. Стоит ли она того, чтобы погубить всю жизнь? Семью, женщину, достойную глубокого уважения, судьбу детей? У нас ведь тоже было. Лида сказала: «Женя, помоги мне перейти на другую работу». Я не пытал ее. Мне было дорого, что она попросила. Она боролась. За меня. За семью. Я ей помог. И все было нормально.

— А если измена случилась? Что тогда?

— Тогда ни в коем случае нельзя унизать того, кому ты изменяешь. У Толстого есть замечательное наблюдение: изменяет не тот, кто спит с чужой женой, а тот, кто спит со своей, а думает о чужой.

— А если не думать невозможно?

— Понимаешь, в чем дело? Я прожил очень большую жизнь, так что имею право на то, чтобы это знать. Страсть — это опаляющий ветер. Афган. Закрутило, завертело, кажется — все. А потом смотришь: что ты наделал? Вот пример. Есть такой город Черчик под Ташкентом. Я показывал там фильм «Родная кровь». Это было в 66-м году. И когда уже выходили из кинотеатра, ко мне подошел мужчина. Он был взволнован, у него даже губы дрожали. Он сказал: «Я так благодарен вам. Пойду. Если дети и жена простят, все будет хорошо». Он, под ударом страсти, совершил преступление перед своей семьей. Обидел хорошую женщину, которая подарил ему детей. Но потом пришло раскаяние. Только ради этого одного можно было снимать фильм.

— Евгений Семенович, а возможен союз, построенный только на уважении?

— С возрастом страсть утихает, а связь становится неразрывной. На смену страсти приходит нежность. Приходит ласка. Потому что, когда мы ласкаем женщину, страстно желая ее, мы не очень ценим эту ласку. А когда страсть угасает, нежность вырастает в такую категорию красоты, которая очень дорогого стоит.

НА СМЕНУ СТРАСТИ ПРИХОДИТ НЕЖНОСТЬ

«Мне фантастически повезло с женой». Фото из семейного альбома

как-то на почту купить конверты. И пока мне их отсчитывают, я вижу сцену: женщина получает письмо, вскрывает его, читает первую строчку, вскрикивает почти неслышно и сжимается. То есть в первой строчке было то, чего она боялась. Никто, кроме меня, этого не увидел. Не дано.

Ради эмоционального удара я готов сыграть роль, даже если сценарий или пьеса мне не очень нравятся. Допустим, режиссер читает пьесу. А я слушаю и терпеливо жду той единственной реплики, на которой мое сердце скажет «йок!» Вот поэтому многие хорошие актеры не любят кино.

— Почему «почему»?

— Потому что режиссер может при монтаже вырезать заветное слово! А ты только ради него согласишься играть эту роль. Это была боль, которую ты хотел отдать людям! А ты не отдал. Ты смотришь фильм — и ничего в тебе не откликается. И ты — в полном дерьме!

— Поэтому вы решили сами снимать кино?

— Я решил снимать кино, потому что упал на стемках с лошади и стал инвалидом, и у меня не двигались ни руки, ни ноги, и мне надо было крепко подумать, как дальше жить и чем кормить семью. И пока я лежал во всяческих клиниках и ин-

богатеишим человеком. Кто-то до сих пор, выбиваясь из сил, барахтается на середине реки, а многие ушли на дно.

— А культурнее мы стали?

— Вы меня об этом спрашиваете? Посмотрите хотя бы, как мы говорим. В рекламе люди плюются словами, как из автомата. Мотивируя тем, что так разговаривает молодежь.

— Но она так и разговаривает.

— Ну и что? Надо учить ее разговаривать правильно! «Скоко вешать в граммах?» Нет таких слов в русском языке! Колбасу не вешают, а взвешивают. Вешают, простите, приговоренных. И пива «по...руски» не может быть в русском языке. Это же наш родной язык, что мы с ним делаем! При советской власти дикторы, мало того что все заканчивали театральные институты, они еще проходили двухгодичные курсы, на которых учились правильному произношению русского слова. А сейчас они говорят на уличном сленге. Ведь у нас демократия. Демократия по-плебейски. Если бы я был один в этой комнате, я мог бы разгуливать в одних трусах. Но мы влвеем, и я не могу себе этого позволить. Потому что должны быть у человека заборы, за которые нельзя!

— Есть надежда, что такие заборы построят в более или менее обозримом будущем?

— Нет. Мы потеряли чувство стыда. Моя неграмотная мама говорила, что когда тебе стыдно, это значит, внутри тебя есть Бог. Вот когда внутри каждого из нас будет Бог, тогда будут построены заборы. И возродится великая русская культура, простите за пышные слова. А это не вопрос десяти лет. Это вопрос смены поколений.

ИСТОРИЯ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

— Мой трудовой стаж исчисляется с девятилетнего возраста. Я был уже маленький мужик. И то, что надо, я делал. Я всегда, если что-то надо сделать, остервенело это делал. Я красил забор соседу, получил за это три рубля. А килограмм хлеба стоил 90 копеек. И когда я принес эти деньги маме, я был собою страшно горд.

Я и детей своих учил зарабатывать с детства. Я сына своего, Андрея, которому сейчас 45 лет, взял на съемки фильма. Мне нужен был эпизод с мальчиком. За массовку платили три рубля. Но мне неловко было — ведь он мой сын. И я ассистентке дал три рубля своих, чтобы она оформила как надо. Чтобы он расписался.

— Чтобы он тоже почувствовал, что он маленький мужик?

— Да, милая моя! Я был счастлив, когда он весь вечер раскладывал эти три рубля и прикидывал: «Это я сестре подарок куплю. Это — маме. Это — бабушке».

Теперь привожу пример с моим внуком. Ему было лет десять. Я сидел в беседе — работал. Он ходил вокруг. У нас так заведено: если я закрылся, трогать меня нельзя. Может, Чапай думает. Вот он и ходит, жлет. «Женька, ты что маешься?» — «Поговорить надо». — «Ну, заходи, поговорим». — «Дедуля, я хочу поговорить по-мужски». Я получил, что он сейчас про секс будет спрашивать. Настроился на сексуальную волну. А он мне говорит: «Дедуль, ты можешь мне одолжить миллион рублей?» Тут у меня челюсть и отвисла: уж лучше бы про секс! А у нас тогда миллионы были, помнишь? «Зачем тебе столько?» — «Понимаешь, я куплю акции, получу дивиденды и потом тебе отдам». Я

ему говорю: «Женя, у тебя велосипед старый, мы с бабушкой решили тебе новый купить». Он ушел обрадованный. А я смотрю ему вслед и думаю: «Надо было спросить у него, что мне делать с внуком».

Теперь он учится в Академии экономики и менеджмента. Вот тебе история трех поколений.

Я СЛЫШАЛ КОСМИЧЕСКУЮ МУЗЫКУ

— Сергей Аполлинариевич Герасимов, когда принимал Володю Фетина (будущего известного режиссера. — В. Б.) во ВГИК, показал ему две фотографии. На обеих в одинаковой позе лежали женщины. Без одеяния. Вопрос был: «Какая разница?» Володя посмотрел и сказал: «Одна из них голая, а другая — обнаженная». Потому что на одной фотографии была «Венера» Тициана, а на другой — в этой же позе — проститутка. Вот и вся разница.

В Доме Родена в Париже есть скульптура, которая называется «Ускользающая любовь». Два юных тела в позе любви. И когда я смотрел на эту скульптуру, то пребывал выше земного покрова. Я слышал космическую музыку. И все присутствующие тоже. Потому что эротика, если она красива, вызывает в человеке жажду жизни и любви. И в моей картине есть обнаженная натура. Русская женщина. В бане. Я думал, что после этой сцены меня пенсионеры разорвут. Оказалось, нет. Потому что моей задачей было Матерь Божью показать, а не баб. Вопрос в том, как ты относишься к человеку. Любишь ли ты его. Женщину надо любить. А не пользоваться ею как статисткой, как это происходит в сегодняшнем кино.

— Какие женщины оставили в вашей жизни серьезный след?

— Мне очень везло на женщин. Начиная с семьи моей. У меня была удивительная мама. Отец мой, делая карьеру, ее бросил — ему стала мешать неграмотная жена. И мама моя всю свою любовь, всю свою женскую нежность отдала мне. Чтобы учить меня, она переехала в райцентр и там на черной работе